

Д. Н. ЖАТКИН,
С. В. БОБЫЛЕВА

**Р. Бернс
и И. И. Козлов:
диалог культур***

Козлов И. И. всецело принадлежал к замечательной поре расцвета романтической поэзии, образно названной Н. В. Гоголем «поэтической Элладой»¹. Справедливо считая переживаемые чувства самоценными и достойными художественного воплощения, он особо акцентировал внимание на собственном внутреннем настрое: «Чувствительность есть и прекрасный, и пагубный дар неба. Я люблю свое сердце, каково оно есть»². В этой связи убедительной и точной можно считать характеристику И. И. Козлова В. Г. Белинским в качестве «поэта чувства»³, существенно отличающегося своими взглядами на окружающий мир от «поэта мысли» Е. А. Баратынского. Для И. И. Козлова было предельно важно вызвать читательское сопереживание, эмоциональный всплеск, способный внести в реальность повседневного мира мощное романтическое начало⁴.

Шотландский поэт Роберт Бернс начал обретать российскую популярность вскоре после смерти, с появлением в 1800 г. первого прозаического перевода «Обращения к тени Томсона» («Address to the shade of Thomson», 1791). И. И. Козлов был одним из первых русских поэтов, обратившихся к творчеству Р. Бернса. В 1829 г. в Петербурге была издана небольшая книга «Сельский субботний вечер в Шотландии. Вольное подражание Р. Бернсу И. Козлова», побудившая Н. А. Полевого к написанию первой в России статьи о жизни и творчестве Бернса, начинавшейся словами: «Имя Бернса доселе было неизвестно в нашей литературе. Г. Козлов

первый знакомит русскую публику с сим замечательным поэтом»⁵. Автор статьи критиковал переводчика за стремление представить Бернса «простым крестьянином, который, между прочим, напевает на поэтической свирелке»; по его мнению, основной ошибкой Козлова было изображение «не пламенного певца Шотландии, сторовшего в огне страстей, а простого поселянина, очень мило рассказывающего о своем сельском быте»⁶.

«Сельский субботний вечер в Шотландии» И. И. Козлова был столь же критично встречен и В. Г. Белинским, писавшим в статье «Собрание стихотворений Ивана Козлова»: «Это есть не перевод из Бернса, а вольное подражание ему»⁷. В. Г. Белинский недоумевал, почему «после прекрасного обращения шотландского поэта к своей родине», переводчик (в XIX строфе) вдруг обратился к России: «Положим, что его обращение полно патриотического жара; но уместно ли оно — вот вопрос! А жизнь шотландская, представляемая Борнсом в его прекрасной идиллии, столько же похожа на жизнь наших мужиков, баб, ребят, парней и девок, сколько муза Каллиопа на Хераскова»⁸.

Стихотворение Бернса «The Cotter's Saturday Night» («Субботний вечер поселянина») претерпело ряд существенных изменений в процессе перевода И. И. Козловым. Сам Козлов оценивал результаты своей работы как «вольное подражание», не претендуя, таким образом, на точность перевода. И действительно, при переводе на другой

Стихотворение Бернса «The Cotter's Saturday Night» («Субботний вечер поселянина») претерпело ряд существенных изменений в процессе перевода И. И. Козловым. Сам Козлов оценивал результаты своей работы как «вольное подражание», не претендуя, таким образом, на точность перевода. И действительно, при переводе на другой

* Цитаты из стихотворений Р. Бернса и их переводов, осуществленных И. И. Козловым, приведены по изд.: Burns R. Representative Poems of Robert Burns with Carlyle's Essay on Burns. Boston, 1924. P. 19–23, 45–47; Козлов И. И. Полное собрание стихотворений. Л., 1960. С. 164–171.

язык литературное произведение подвергается «своего рода изоляции от родной почвы и родственных произведений», приобретает «чужое, несвойственное ему ранее звучание, теряет какие-то из своих качеств», однако вместе с тем получает «новые функции», которых оно ранее не имело⁹. Шотландский оригинал преломляется через творческое восприятие переводчика, с его характерными чувствами, представлениями и убеждениями, индивидуальным мастерством. Так, например, посвящение Бернса Роберту Эйкину в начале стихотворения заменено посвящением Ал. Ан. В...ковой (к тому времени уже умершей Александре Андреевне Воейковой), ставшей Козлову другом, утешительницей и музой. Эта «изящная, задумчиво-нежная» женщина «с легкой походкой, с голубым, добрым взглядом и приятным звучным голосом»¹⁰, всесторонне образованная, занималась рисованием, увлекалась музыкой, знала языки, в том числе и английский, переводила статьи для газет, которые редактировал ее муж. А. А. Воейкова и И. И. Козлов иногда устраивали чтения, декламируя Шекспира, Вальтера Скотта, Мильтона, Шелли, Т. Мура и Байрона. В посвящении Козлова переживания, вызванные потерей близкого друга, сочетаются с горестью собственной судьбы: «Кругом гроза; но ты была со мной, // Моя судьба твоей душой светлела; // Мне заменил твой дружеский привет // Обман надежд и блеск веселых лет». И далее: «В моем уме ты мыслию высокой, // Ты в нежности и тайной и глубокой // Душевных чувств, и ты ж в моих очах // Как яркая звезда на темных небесах».

Другим отступлением от оригинала стало дополнение стихотворения строфой, содержащей обращение И. И. Козлова к России: «А я к тебе, к тебе взываю я, // Святая Русь, о наша мать-земля! // Цвети, цвети, страна моя родная! // <...> // Страна сердец, и дум, и дел высоких!». Последними словами обращения автор выражал свои патриотические чувства, надежду на процветание страны при соблюдении законов веры и чести, верности искусству, причем форма выражения напо-

минала молитвенное обращение, что подчеркивало религиозность русского поэта: «Верна царям и верою хранима, // Врагу страшна, сама неустрашима, // Да будут честь и нравов простота // И совести народной чистота // Всегда твоей и славой, и отрадой, // И огненной кругом тебя оградой, // И пред тобой исчезнет тень веков // При звуке струн восторженных певцов!». Именно эта часть вольного подражания И. И. Козлова вызвала негодование В. Г. Белинского. Вместе с тем можно предположить, что автор намеренно использовал возвышенное обращение к «Святой Руси», стремясь приблизить шотландский оригинал к реалиям своей страны, вызвать эмоциональный подъем у российских читателей.

Введение русским поэтом-переводчиком новых, отсутствующих в исходном тексте слов и мыслей, в которых ощущается стремление сопоставить себя с Бернсом, убедительно свидетельствует о правоте слов

В. А. Жуковского: «Подражательный стихотворец может быть автором *оригинальным*, хотя бы он не написал ничего собственного. Переводчик в прозе есть раб; переводчик в стихах — *соперник*»¹¹. В обеих привнесенных русским романтиком частях стихотворения звучат мотивы, пронизывающие все его творчество: мотив страдания, очищающего и просветляющего человека, мотивы дружбы и любви к родине¹². Во многих произведениях И. И. Козлова получила развитие идея смирения и покорности воле божьей, которая и определила выбор стихотворения шотландского поэта, изображающего тихую семейную жизнь обычного богобоязненного сельского труженика в атмосфере любви и дружбы. Эпиграф, взятый из «Элегии, написанной на сельском кладбище» английского поэта Томаса Грея, указывает на элегические мотивы и подражание сентименталистам¹³.

Вполне достоверно И. И. Козловым переданы основное содержание и тональность произведения Бернса. Поэт сохранил пятистопный ямб оригинала; увеличение количества стихов до 288 вместо 189, равно как

и увеличение числа строф до 19, не воспринималось отступлением от исходного текста.

Основопологающей идеей стихотворения Р. Бернса можно считать идею повиновения воле провидения и соблюдения религиозно-нравственных норм поведения. Это подтверждается сценами пения псалмов после ужина, чтения Евангелия и молитвы перед сном, сценой поучения родителями своих детей: «Their master's and their mistress's command, // The youngers a' warned to obey; // And mind their labours wi' an eydent hand, // And ne'er, tho'out o'sight, to jauk or play; // «And O! be sure to fear the Lord alway, // And mind your duty, dully, dully, morn and night; // Lest in temptation's path ye gang astray, // Implore His counsel and assisting might: // They never sought in vain that sought the Lord aright» («Указ хозяина и хозяйки предупреждает детей о повиновении и очень аккуратном и тщательном выполнении своей работы, никогда, даже когда не видят родители, не дразниться и не играть в азартные игры. «Всегда бойтесь Бога и как следует молитесь утром и вечером, чтобы соблазн не свел вас с пути истинного. Просите Его дать вам сил и наставлений. Никогда не тщетны поиски тех, кто ищет Бога искренне»).

Перевод Козлова близок оригиналу: «Что мать с отцом велят повиноваться, // Радужно жить и помнить божий страх, // От нужды искать убежища в трудах, // И день и ночь порочных дум чуждаться, // Правдиву быть на деле и в речах — // Он вкоренял от детства в их умах; // Он говорил: «К прекрасному дорога // У всех одна — творца о всем молить, // Не делать зла, добро всегда творить; // С тем будет бог, кто сердцем ищет бога». Однако в русской поэтической интерпретации исчезло упоминание о родительском наставлении не дразниться и не играть в азартные игры, а просьба «правдивыми быть на деле и в речах», звучащая у И. И. Козлова, напротив, отсутствует в оригинале. Употребление Бернсом фразы «their master and mistress» («их хозяин и хозяйка») указывает на большую степень повиновения детей своим родителям, их зависимость от родителей.

Это вполне соответствует общему контексту стихотворения, — достаточно вспомнить, с каким благоговением и радостью дети встречали отца: «Уже детьми он шумно окружен — // Обнять отца бегут со всех сторон». У Козлова мы видим некое преуменьшение роли родителей в жизни детей появлением традиционного «мать с отцом» и, соответственно, усиление роли бога, божественного волеизъявления. Обращение к Библии в целом характерно для творчества И. И. Козлова. Известно, что тяжело больной поэт «знал наизусть все Евангелие и все молитвы»¹⁴; в религии он нашел умиротворение и возможность возвыситься над собственным несчастьем.

В другом стихотворении Роберта Бернса, переведенном И. И. Козловым на русский язык, — «To a Mountain Daisy, On turning one down with the Plough, in April, 1786» — был также заметно усилен традиционный для переводчика мотив религиозной резиньяции (в частности, строфы VIII: «Till, wrench'd of ev'ry stay but Heav'n, He, ruin'd, sink!» — «Приюта нет; он отдохнет на небесах!»). Оригинальное название стихотворения шотландского поэта было несколько изменено Козловым: вместо горной маргаритки («mountain daisy») в русской версии появилась маргаритка полевая, введено имя автора. В результате стихотворение стало называться «К полевой маргаритке, которую Роберт Бернс, обрабатывая свое поле, нечаянно срезал жезлом сохи в апреле 1786 года».

Стихотворный размер шотландского оригинала — четырехстопный ямб — был сохранен переводчиком, однако знаменитая «Бернсова строфа» (aaabab) преобразована посредством изменения схемы рифмовки — aabcbcb.

Тема рока, неизбежности судьбы получила отчетливое развитие в произведении шотландского поэта. Прелестному цветку, привлекающему внимание труженика, стойко перенесшему все невзгоды и сохранившему свою красоту, не избежать предсказуемой гибели: «Wee, modest crimson-tipped flow'r, //

Thou's met me in an evil hour; // For I maun
crush among the stoure // Thy slender stem: //
To spare thee now is past my pow'r, // Thou
bonie gem» («Маленький, скромный цветок
с малиновыми кончиками лепестков, ты
встретился мне в злоеший час, ведь должен
я вмять в пыль твой стройный стебель: убе-
речь тебя не в моей власти, прекрасная жем-
чужина»).

И здесь И. И. Козлов дает относительно
точный перевод шотландского поэта. Упо-
требляя лирические восклицания, русский
поэт нарочито стремится подчеркнуть свое
сожаление о неминувости злой участи
и раскаяние в происшедшем: «Цветок пунцо-
вый, полевой! // Ты, бедный, встретился со
мною // Не в добрый час: тебя в красе //
Подрезал я. // Жемчуг долин, не можно мне
// Спасти тебя!».

Размышления автора о красоте цветка ме-
тафоричны: цветок сравнивается с девуш-
кой, о чем отчетливо свидетельствует ориги-
нальное использование женского рода в пе-
реводе Козлова в III строфе («Ты нежно,
тихо расцвела, // Цветок любви») и далее,
в V строфе («Из-под травы едва видна, //
Цвела ты, прелести полна»). Козлов дает де-
вушке имя Мальвина, тогда как Бернс остав-
ляет ее безымянной. Если Бернс рассказыва-
ет о себе, о разлуке со своей возлюбленной
Джин Армор, то Козлов проводит параллель
с Байроном, чью жену Аннабеллу Милбэнк
(Annabella Milbanke) он называл Мальвиной
в своем стихотворении «Бейрон».

Как видим, И. И. Козлов выбирал для сво-
их переводов наиболее близкие по духу сти-
хотворения Бернса¹⁵. Козлова привлекали
патриотизм Бернса, воспевавшего простых
людей, наделенных высокими моральны-
ми качествами («Субботний вечер в Шот-
ландии»), а также стремление шотландского
поэта показать силу любви и бессилие че-
ловека перед судьбой («К полевой марга-
ритке...»).

¹ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений:
В 14 т. Л., 1952. Т. 8. С. 422.

² Козлов И. И. Дневник // Старина и новиз-
на. 1906. Кн.11. С. 41.

³ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т.
М., 1954. Т. 5. С. 75.

⁴ См. об этом: Григорьев Ап. А. Стихотво-
рения Ивана Козлова // Sertum bibliologicum
в честь проф. А. И. Малеина. Пг., 1922. С. 243.

⁵ Московский телеграф. 1829. Ч. 28. №14.
С. 195.

⁶ Там же. С.197.

⁷ Белинский В. Г. Полное собрание сочине-
ний: В 13 т. М., 1954. Т. 5. С. 73.

⁸ Там же.

⁹ Алексеев М. П. Русская классическая ли-
тература и ее мировое значение // Русская ли-
тература. 1976. №1. С. 7.

¹⁰ Афанасьев В. В. Жизнь и лира: Художе-
ственно-документальная книга о поэте Иване
Козлове. М., 1977. С. 63.

¹¹ Жуковский В. А. О переводах вообще,
и в особенности, о переводах стихов // Жу-
ковский — критик. М., 1985. С. 82.

¹² Об основных мотивах переводных произ-
ведений И. И. Козлова см.: Левин Ю. Д. О рус-
ском романтическом переводе в эпоху роман-
тизма // Ранние романтические веяния. Из исто-
рии международных связей русской
литературы. Л., 1972. С. 246–259; Веденяпи-
на Э. А. Мастерство И. И. Козлова-переводчи-
ка: особенности стиля // Метод, мировоззре-
ние и стиль в русской литературе XIX в. М.,
1988. С. 26–33.

¹³ О влиянии этого произведения на рус-
скую литературу см.: Топоров В. Н. «Сельское
кладбище» Жуковского: к истокам русской
поэзии // Russian Literature, North-Holland
Publishing Company. 1981. Т.Х. P.141–159; Ва-
цуро В. Э. Лирика пушкинской поры. «Элеги-
ческая школа». СПб., 1994. С. 17–23.

¹⁴ Данилов Н. М. Иван Иванович Козлов.
Пг., 1914. С.33.

¹⁵ Об особенностях отражения авторско-
го сознания в других переводных стихотво-
рениях И. И. Козлова см.: Корман Б. О. Ав-
торское сознание в лирической системе
И. И. Козлова // Филологические науки. 1975.
№4. С. 35–46.